

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

МОЯ ДУША СКВОЗЬ ОБЛАКО ЛЕТЕЛА...

* * *

Он медленно спускался в летний сад
И погружался в кресло под сиренью.
На нём лежала солнца полоса.
Лицо покрылось лёгкой светлой тенью.
Он был тяжёл, в нём иссякали силы.
В нём стыла кровь, не согреваясь летом.
Ему родня накидку приносила
И накрывала ноги тёплым пледом.
И он сидел, дремотный и недвижимый,
Лишь иногда приподнимая веки,
Чтобы увидеть, как желтеют пижмы,
Сияют флоксы, синие, как реки.
В его дремотной памяти усталой
Текла видений странных вереница,
Гладь океана призрачно блистала,
Мерцали артиллерии зарницы.
То шелестели джунгли Кампучии,
И пехотинцы в бой бросались снова,
То мчались тепловозы, и лучи их
Метались в зеркалах купе ночного.

ПРОХАНОВ Александр Андреевич родился в 1938 году в Тбилиси. Окончил Московский авиационный институт. Автор многих книг прозы и публицистики, романов "Чеченский блюз", "Красно-коричневый", "Идущие в ночи", "Господин Гексоген", "Крейсерова соната", "Человек звезды", "Время золотое", "Убийство городов", "Губернатор". Живет в Москве.

Он видел руки женщины любимой,
Его любовью дивной одарившей.
И над Кабулом — тучу злого дыма,
Где на камнях лежал убитый рикша.
Порой являлось мамино лицо,
Её любимая фарфоровая ваза,
А он, ребёнком, вышел на крыльцо,
Трава сверкала россыпью алмазов.
Так жизнь, что на своей заре далёкой
Ему любовь и счастье предвещала,
Теперь, перед его последним сроком,
Ему свои виденья возвращала.
Поодаль шумно детвора резвилась.
В саду висел гамак, дыряв и клетчат.
К нему на руку бабочка садилась,
И жёлтый лист слетал ему на плечи.
Так он сидел в дни осени багряной,
Так он сидел среди дождей тяжёлых,
Когда с берёз холодные бураны
Смели наряд последних листьев жёлтых.
Пошли снега, а он сидел в метели.
Был, как сугроб, насыпанный в морозе.
Вдруг снегири к сугробу прилетели,
Как будто принесли живые розы.
Его усыпали на праздник огоньками
Два уголька и красная морковка.
Он — снеговик. Вокруг, звеня коньками,
Кружился рой, танцующий и ловкий.
Весной, когда лазурь затрепетала,
Когда от солнца засверкали дали,
Он стал, как вешний лёд, — прозрачный, талый,
И в нём бесшумно радуги играли.
Он весь растаял и истёк ручьями.
В них серебром расплёскивался ветер.
Вдруг на земле под тёплыми лучами
Открылись взору дивные соцветья,
И в каждом его голос раздавался.
Прильни к цветку, и ты его услышишь.
В том синем — океана вал плескался.
В том жёлтом — пагод золотые крыши.
В том алом — бой горячий и смертельный,
В котором пал его любимый сверстник.
Его несли в гробу с крестом нательным
В страну, где он воспрянет и воскреснет.
А в том цветке, в том дивном семицветье —
Его любимых женщин обаянье.
И целовал цветы весенний ветер,
И плавилась лазурь в день отпеванья.
Из той лазури в сад спустилась птица,
Она была невиданной расцветки.
Её увидел мальчик светлолицый
В пустом саду на одинокой ветке...

* * *

Погаснет мир, стогласый и стоцветный,
И я уйду, в углу оставив трость,
К Тому, кому палач ветхозаветный
Вогнал в ладонь гранёный ржавый гвоздь.

Истёк мой век, окончено сказанье.
Всё совершил, что начертал мне рок.
Оставлю по себе воспоминанье,
Как в янтаре прозрачный пузырёк.

Вы без меня танцуйте и пируйте.
Друзья ушли, остался я один,
И некому поведать, как в Бейруте
Кричал на площади унылый муэдзин.

* * *

Ель смолистая поклонится,
Ветер тихий набежит
Там, где бабушка покоится,
Там, где матушка лежит.

* * *

Та дивная рука, что целовал в забвеньё...
То был счастливец, то опять страдальцем.
Рука, нырявшая в волшебный куст сирени,
Из-под земли грозит костлявым пальцем.
Берёзу распахнул, в неё вошёл,
Одел себя березовой корою.
Мне голову накрыл небесный шёлк,
Я корнем ключ нащупал под горою.
Пень свежеспиленной берёзы
Сочился соком на поляне вешней.
Он был, как чаша, из которой слёзы
Через края катились безутешно.
Оно придёт, я знал наверняка.
Я ждал его вседенно и всюнощно.
Раздался стук. Костлявая рука
Передала письмо с пометкой “Срочно”.
Она пришла вся в чёрном, вся в бриллиантах.
Вокруг толпились преданные слуги —
Все мои раны, боли и недуги.
Сказал: “Иду. Не надо музыкантов”.
Мой путь был ослепительным и длинным.
Я мчался средь вершин, равнин и вод.
Теперь один я шествую в долине,
Где тени смерти водят хоровод.
Я сыну дал фамильную икону,
Коробку бабочек возьмёт себе другой...
И в тишине осиротелых комнат
Они услышат голос дорогой.
Когда на сердце мне ложился камень,
Казалась жизнь невыносимо тяжкой,
Я вспоминал платок лучистый мамин
И голубую бабушкину чашку.

* * *

Положите меня под высокою чистою елью,
Там, где мама и бабушка ждут меня в тихой могиле.
И весенняя птица своей незатейливой трелью
Вам расскажет о том, как мы счастливы были.

На кладбище зимой не свистнет птаха.
Бумажные цветы с железными листьями...
Так белая холщовая рубаха
Расшита красными и чёрными крестами.
Зачем мне ваш роскошный пышный гроб?
Молебны, речи — ничего не надо.
Пусть наметёт метель серебряный сугроб
И ночь зажжёт волшебных звёзд лампы.
Слепой старик кипел в смоле кромешной.
Кричал: “Спаси!” — из адской темноты.
Спрошу у Господа: “Скажи, кто этот грешник?”
И мне Господь ответит: “Это ты”.

ДАМА В ЧЁРНОМ

Когда-то смерть в меня стреляла метко,
Её несли мне грозные враги.
Теперь она тиха и незаметна.
Я слышу её близкие шаги.
Белесый череп на земле пылится.
Поднял с земли, поднёс его к лицу.
Увидел мир сияющий в глазницах...
Вернул глаза умершему отцу.
Ладья плыла без вёсел, без гребцов,
За ней сверкала солнца полоса.
Мне померещилось любимое лицо,
Моих друзей умерших голоса.
При мысли о тебе — гнетёт тоска,
Не помыслы, увы, о жизни вечной.
Ты спряталась у левого соска...
Ты смертушка моя, мой тромб сердечный.
Как в блеске стали, в грохоте несносном
Несётся поезд к станции метро,
Так в темноте, в сосуде кровеносном
Стремится к сердцу смертоносный тромб.
Я сочинял стихи прекрасной даме,
А вороньё чертило небеса.
Я помню череп с ямами-глазами,
В руках костлявых — острая коса.
Мы были в Аркаиме прошлым летом.
Пылала степь, нещадно жар палил.
Лежали в погребениях скелеты,
У них в глазах сверкали хрустали.
Не помню я отцовского лица,
Его лицо туманится и тает...
Но пуля, застрелившая отца,
Ко мне летит и вот уж подлетает.
Я покидал измученное тело,
Я пролетал сквозь белый потолок...
Потом душа сквозь облако летела,
Был путь её прекрасен и далёк.

ВАЛЬС

Прекрасен праздник в Северной столице:
Сияют зеркала, сверкают люстры.
Кругом мужчин восторженные лица
И женщин обольстительные бюсты.

В седой Неве соборы отражались.
Смеялся рядом тучный иностранец.
Вдруг волны вальса дивно разбежались,
И в зале объявили “белый танец”.
В нарядах белых, золотых и алых,
Все женщины, как бабочки, взлетели.
Передо мной вдруг женщина предстала,
Вся в чёрном, и брильянт на белой шее.
“Вы — мой избранник”, — протянула руку.
Я был пленён её волшебным взором.
Нас подхватили сладостные звуки,
Мы закружились на полу узорном.
Её духов осенние дурманы,
Пожатье слабое трепещущей ладони...
Её шелков прозрачные туманы...
Не видел глаз прекрасней и бездонней.
К балкону увлекло движенье вальса.
Нева струилась, купола блестели.
Кружась, она мне слабо сжала пальцы:
“Ну, что ж, избранник мой, мы полетели!”
Дворцы сияли, шумно ветры дули.
У сфинксов, на гранитных пьедесталах
Я вдруг увидел маму, молодую...
Давно в ней сердце биться перестало.
Потом в седой степи, людьми забытой,
Мы увидали жёлтый холм печальный.
В холме лежал отец, в бою убитый.
Он мне послал свой поцелуй прощальный.
Кавказский лёд сверкнул под облаками.
На склонах гор — багряные тюльпаны.
Там жили мои предки — молокане,
Я видел их цветные сарафаны.
“Куда мы мчимся в высоте небесной?
Вон, видишь, стог? Пускай нам ложем будет.
Я там сниму с тебя брильянт чудесный
И поцелую шёлковые груди”.
Она коснулась губ моих рукою.
“Не торопи, всё будет, мой избранник!”
Мы пронеслись над синею рекою,
Где дом стоял, где жил я в детстве раннем.
И вот я снова мальчик непослушный,
И бабушка бежит за мною к речке.
Сначала сердится, а после кормит грушей.
Мы с ней сидим на солнечном крылечке.
Но вот внизу Уссури лёд зелёный.
На острове — кровавые дорожки.
Подбитый танк, снарядом опалённый,
И я лежу в снегу, в кровавой “лёжке”.
Сижу среди весёлых празднословов.
Моя щека испачкана помадой.
И над Москвой горит закат лиловый.
Высотных зданий тёмные громады.
Я заключил её в мои объятия.
Я умолял прервать полёт наш быстрый.
Пусть сбросит своё шёлковое платье,
Пусть зашуршат таинственные искры.
Но молча погрозила мне мизинцем.
Летели над волнами цвета мёда.
И я стоял на палубе эсминца,

Матросы заряжали бомбомёты.
Мы облетали города и страны.
Горел Кабул, стреляла Кампучия.
Все те места, где получал я раны,
И лазареты, где меня лечили.
Убитый слон в пустыне Калахари.
Любовница в отеле Мозамбика.
Коричневые груди колыхались,
И рот не закрывался в страстном крике.
Вот облетели мы Дворец горящий.
Не мог смотреть. Сжимал кулак до боли —
Ведь это я тащил зарядный ящик,
И красный флаг мой трепетал на воле.
Я вопрошал её: “Кто ты такая?
Кому ты служишь, женщина, отныне?”
Внизу струилась осень золотая,
И храмы Пскова плыли в луговине.
Мы посещали города, селенья,
Где жили те, кого я спас от пули.
То место, где содеял преступленье,
Поднял винтовку, взгляда не потупив.
И вот мы опустились у отеля.
Крутилась дверь, сверкали лимузины.
В просторном люксе окна запотели.
За стёклами — какой-то город зимний.
Она к моим ногам шелка сложила.
Она плечо устало обнажила
И протянула мне бокал хрустальный:
— Налей же мне вина, мой друг печальный!
Так не был прежде счастлив я с другими.
Любовь и нежность разум мой затмили.
“Откройся, наконец, скажи мне имя!”
И был ответ: “Я смерть твоя, мой милый!”
Брильянт надела, подвела к порогу.
Как самому родному, дорогому:
“Люблю тебя, — сказала на дороге, —
Прощай, мой милый, я ушла к другому”.
И волны вальса слабо зазвучали.
Вослед неслись слова несвязной речи.
И я ушёл. Меня уже встречали,
И мама мне несла букет навстречу.

* * *

Еще душа устремлена в лазурь,
Еще леса не сбросили покровы,
Но голос твой спокойный и суровый
Мне предвещает время зимних бурь.
Еще на клумбах поздние цветы,
Еще в саду благоухают розы,
Но очень скоро, это знаешь ты,
Сойдут на землю первые морозы.
Не удержать осенних птиц полет.
И как слова прощального привета,
Тебе на стол, родная, упадет
Последний лист исчезнувшего лета.

* * *

Наше время с тобой истекло.
И в туманной дали голубой,
Там, где мы целовались с тобой,
Остывает цветное стекло.

* * *

Станет боль нестерпима к апрелю,
И утихнет она к январю.
Я исчезну с последней метелью
И на память тебе подарю
Чистоту белоснежных волокон,
Тишину не промолвленных слов,
Синеву затуманенных окон,
Глубину не проявленных снов.

* * *

Я уйду без обид и претензий.
Дверь закрою и вновь не войду.
Оставляю вам клумбу гортензий,
Что сажал в бирюзовом саду.
Не ищите и слезы не лейте.
Я лишь ветра летучая зыбь.
В темноте прорывает на флейте
Птица вещая с именем выпь.

БЕЛЫЙ ПАРОХОД

Милый мой, свиданье было долгим.
Ни друзей вокруг и ни врагов.
Белый пароход плывет по Волге,
А у Волги нету берегов.
Как светлы и кратки были ночки.
Как свистел за речкой соловей.
Посажу лазоревый цветочек
На могилу любушки моей.
Как цвело и пламенело лето,
Как сверкала моря бирюза.
Мне осина круглые монеты
Осенью положит на глаза.
Век мой вскрикнул, вспыхнул и умчался,
И растаял где-то вдалеке.
Я в саду сиреневом качался
В клетчатом дырявом гамаке.